

Иллюстрация: ОВД-Инфо

23.06.2018, 22:28 Москва

ИНТЕРВЬЮ

«Ты, наверное, какой-то политический?»: интервью с фигурантом «Дела 26 марта»

Год назад Дмитрий Борисов жил в Москве, вел гостиничный бизнес и периодически ходил на акции оппозиции. 26 марта 2017 года его задержали на антикоррупционном митинге, а потом обвинили в **применении силы** к полицейскому. Суд назначил Борисову год колонии общего режима. 7 июня 2018 года он **вышел на свободу** и рассказал ОВД-Инфо о насилии в СИЗО, переходе на «свободный» язык и вечерах с кружкой чифира.

Как вы себе раньше представляли жизнь в следственном изоляторе, и какой она оказалась

В итоге?

— Для меня не стало большим шоком то, что меня вообще посадили. Когда меня забирали, приехали 14–15 полицейских вместе со Следственным комитетом и сразу дали понять, что вещи стоит взять с собой. Я сразу понял, что со мной решили покончить.

В СИЗО меня тоже не шокировали ни люди, ни обстановка. На Петровке, 38 меня раза три за два дня успели перевести из одной камеры в другую, так что люди попадались разные. Кто-то был совершенно адекватный, а кто-то уже седьмую «ходку» прошел. Попадались и интересные люди: те арестанты, что с экономическими статьями, как правило, очень даже интеллектуально развиты.

Много, конечно, было тюремных распорядков и традиций, но к ним быстро привыкаешь. Например, когда людей встречают или провожают, вся камера собирается вместе с кружкой чифира. Это и на здоровье не сильно сказывается, каждому по два глотка достается. Все маленькие торжества тоже отмечаются кружечкой чифира. Это даже привносит нечто человеческое в тюрьму.

Жаргона тоже было много. Многие словечки у меня и сейчас оттуда, еще не могу переключиться на «свободный» язык.

А сотрудники СИЗО как к вам относились?

— Нормально. В Белгороде (в мае 2018 года Борисова этапировали из московского СИЗО № 2 «Бутырка» в СИЗО № 3 Белгородской области — *ОВД-Инфо*) даже уважительное было отношение. Там сотрудники увидели кучу писем и сразу спросили: «Ты, наверное, какой-то политический?». Вообще я почему-то уверен, что это хорошо повлияло на их отношение ко мне, с другими арестантами они вели себя хуже. Если бы я просто попал

к ним по 318-й статье, то, думаю, я бы даже не успел им ничего объяснить. Могли бы и побить, и избить.

На «сборке» (камера, куда помещают перед разными процедурами при оформлении — *ОВД-Инфо*) был парень-белорус двадцати с чем-то лет. По 228-й статье — что-то про наркотики. Такой божий одуванчик, небольшой совсем. Мы на «сборке» все закурили. Это такое негласное право арестантов — покурить. Потому что у меня этап, например, длился больше суток. В поезде особо не поспишь, и вот хотя бы покурить, хотя бы какую-то передышку сделать нужно. Нет ведь, залетел какой-то полицейский, схватил этого парня (видимо, самого маленького взял), вывел из «сборки» и начал бить. Мы слышали его крики, и полицейский еще и орал на этого парня: «Мы же вам говорили, что там нельзя курить!» Парня закинули обратно, выхватили еще одного — здорового, накаченного борца. Куда-то отвели, и мы снова услышали крики. Потом услышали электрошокеры. В общей сложности, нас было 19 человек, и трое куда-то пропали, мы их больше не видели. В том числе и этот борец.

Конечно, это вызывает омерзение. Ты вроде как человек, а с тобой почему-то как со скотом начинают обращаться. Почему-то у пятого «централа», СИЗО («Водник» — *ОВД-Инфо*) я имею в виду, у «Бутырки» получается найти общий язык с арестантами. Можно же по-человечески договориться. Можно просто сказать: «Мужики, здесь вообще не курим, вот вообще». И всё, арестанты это понимают.

А на вас лично кто-то оказывал давление?

— Нет, честно скажу, на меня никто не давил. И даже в Белгороде меня посадили в камеру на двух человек, но сидел я один. Видимо, испугались они, что у меня такое резонансное дело.

Но следили за мной пристально: все камеры оборудованы видеокameraми. Тебе могут через них что-то говорить или просто сигнал посылать. Хотелось иногда подойти к окну и ответить что-то другому арестанту, одиноко же. Я только к окну подвинулся, сразу сигнал: «Биип!»

И вообще все строго было. Выходишь из камеры, тебе сразу: «Руки за спину! Повернись! Руки на стену!» Когда обыскали: «Руки за спину! Отошел!» Думаю, еще бы полгодика я там просидел — даже после выхода из СИЗО вставал бы справа у каждой двери с руками за спиной, прежде чем войти. Наверное, все это делается, чтобы подавить человека. Но он и так уже подавлен. Срок и так на тебя давит довольно неплохо.

Дмитрий Борисов / Фото взято со страницы Ирины Яценко в Facebook

Сильно чувствуется разница между московскими следственными изоляторами и белгородским?

— Да, в Москве такого нет. Не знаю, с чем это связано. Возможно, московские арестанты уже отстаивали свои права. Человеческий фактор тоже играет роль. И, конечно, общественники, правозащитники — Москва все-таки для них более доступна.

А со следователями как складывались отношения?

— Они были, скажем так, корректны. Но то, чем занимается этот следователь [Александр] Уранов, который сажал «болотников»... Я увидел в кабинете у него распечатку с восемью, по-моему, «болотниками» и их фотографиями, и на листе были подписаны сроки — от меньшего к большему. И этот плакат висел у него в кабинете как предмет гордости. Я еще понимаю, когда делают свои грязные делишки, чтобы заслужить звезды и погоны, но гордиться... Неужели они не понимают, что они делают?

Мое дело получило какой-то отклик в СМИ, и он сразу полез в интернет искать, где его упомянули. И смотрел на это все с таким тщеславием: Уранов посадил еще одного.

Общался я и еще с одним следователем. Я ему говорю: «Ты вообще как считаешь, ты правильно делаешь? Ты берешь человека невиновного и устраиваешь ему все эти нервяки». А он отвечает: «Слушай, ну ты же его бил». То есть он зацепился за эту информацию о том, что я якобы бил омоновца, хотя я его даже не коснулся.

Ощущали ли вы, будучи в СИЗО, что на свободе о вас пишут и о вас говорят?

— Да, конечно. Поддержка очень важна. Ко мне на суды приходили друзья, правозащитники. Взять хотя бы даже футболки с моим портретом — все равно как-то воодушевляет. Просто приходишь на суд и сразу видишь, что о тебе думают. И письма. В письмах мне передавали слова поддержки, писали, что даже какие-то акции проводили.

Мне кажется, поддержка сыграла роль и в самом суде. Я вполне допускаю, что мне могли бы дать и полтора года, и два, потому что были и большие сроки по таким же обвинениям (другого фигуранта [«Дела 26 марта»](#) Станислава Зимовца по такому же обвинению [приговорили](#) к 2 годам и 6 месяцам лишения свободы — *ОВД-Инфо*). Мне помогли поддержка и адвокаты, конечно. Илья Новиков и Николай Фомин выступали очень профессионально и очень ярко. Я думаю, у судьи была там какая-то гибкость, он мог от года до двух спокойно дать. Не думаю, что он был независим в своих решениях, так что дал, наверное, меньшее из того, что ему разрешили.

Мы с Николаем Фоминым даже хотели пари заключить перед приговором о том, сколько мне дадут. Он говорит:

«Полтора года». Я тоже думал, что полтора года, поэтому пари не получилось.

Чем вы собираетесь заниматься на свободе?

— До тюрьмы я участвовал в семейном бизнесе, и в плане профессии особо ничего менять не буду. В плане общественной деятельности... Я пока не знаю. Я пока что хочу немножко отдохнуть, собраться с мыслями, понять, что нужно делать, что не нужно. Наверное, буду действовать так же, как и до посадки. Есть какие-то события, и, как и раньше, я буду на них просто реагировать или не реагировать, поддаваясь естественному порыву.

Есть ли у вас ощущение, что почему-то вам нужно было через все это пройти?

— Почему-то часто люди в тюрьме ищут какой-то тайный смысл, постоянно пытаются найти объяснение тому, что они сели. Я не уверен, что это действительно так. Мне кажется, у людей вообще есть свойство искать во всем смысл, в «Википедии» даже как-то объясняется этот феномен.

Я не могу сказать, что год тюрьмы дал мне что-то невероятное. Чисто по-человечески я, наверное, вырос, в общении что-то понял. Все-таки постоянно общаешься с большим количеством людей разных национальностей, разного вероисповедания. В принципе, если бы мы собрались большой компанией и прожили вместе год, я что-то перенял бы и чему-то научился бы.

Но основной эффект — это желание больше ценить то, что есть на свободе. Оно и понятно, все познается в сравнении. Такого, чтобы я как-то кардинально изменил свое мировоззрение, не было. И я ни о чем не жалею, не раскаиваюсь. Я до сих пор считаю, что я невиновен.

Дело 26 марта

Дело о нападениях на полицейских заведено после жестко разогнанной акции против коррупции 26 марта 2017 года.

23 117

Ещё почитать

04.03.2026 [Москва](#)

В Москве арестовали бывшую депутатку, участвовавшую в «Съезде народных депутатов»